

УЧКУН НАЗАРОВ

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

*Авторизованный перевод с узбекского
С. Шевелева*

По окончании театрального института Махира получила распределение в провинциальный театр, в один из небольших городков Ферганской долины.

Нельзя сказать, что назначение было неожиданным для нее. Скорее уж оно ввергло в растерянность парня, который ухаживал за ней и хотел бы считаться ее женихом, Масудджана.

Сейчас они сидели на скамеечке в городском сквере и никак не могли прийти к общему решению.

— Что же делать,— говорила Махира,— будь моя воля, я бы, конечно, осталась в Ташкенте.

Масудджан только вздохнул.

— И потом,— продолжала Махира,— нельзя не учитывать: пока в Ташкентском театре добьешься приличной, заметной роли — сколько лет ждать придется. Все мои знакомые одно и то же говорят...

Масудджан снова вздохнул. Решительным характером он не отличался, но все же попытался возразить.

— Конечно, инженеру везде место найдется,— рассуждал он,— но какой же резон мне бросать работу в Ташкенте? Кроме того, не кажется ли тебе, что чем играть принцессу в Фергане, лучше играть ее служанку в Ташкенте? И подумай еще: здесь ты ведь станешь работать с известными артистами, многое сможешь у них перенять. А чему ты сможешь научиться там? У кого?

— Ну да, все это правильно, наверное. Но ведь меня не хотят оставлять в Ташкенте, что же мне прикажешь делать! — Махира уже сердилась. — Не могу же я их за горло хватать!

Масудджан помолчал с минуту.

— Если все так складывается, то... — он не осмеливался сразу сказать. — Если мы сыграем свадьбу, а? Все решится тогда само собой.

Махира покачала головой, усмехнулась иронически.

— Разве я сказал что-то смешное? — растерялся Масуджан.

— Странный ты все же. Зачем же было столько учиться — лишь для того, чтобы оказаться запертой в четырех стенах?

— В Ташкенте не один театр, в какой-нибудь я уж тебя пристроил бы.

Махира опять покачала головой:

— Мне просто не выдадут диплом, если откажусь ехать.

Масуджан взял в руки белую легкую ладонь Махиры, погладил, прижал к своему лицу.

— А как же я? — просительно, с укоризной прошептал он. — Мне-то что теперь делать?

— А мои мечты? Ведь я всю жизнь мечтаю о театре, — серьезно ответила Махира.

Через неделю она стояла в рассветном полумраке на пустой платформе и глядела вслед красным огонькам своего поезда, уже отправившегося дальше. Хотя она и знала, что стоянка здесь три минуты, но то, как быстро ушел поезд, тишина и безлюдность вокруг рождали ощущение заброшенности, случайности, ошибки.

Очень захотелось обратно в Ташкент.

Но она храбрилась, даже самой себе не призналась бы, что боится и, кажется, сбежала бы с первым же возвращающимся поездом.

Подхватила чемодан, вышла на вокзальную площадь. Просторно, пусто, неудобно. В центре площади — пересохший фонтан с бетонной аляповатой коробочкой хлопка, больше похожей на надувшегося индюка.

Чувствуя себя очень несчастной, всеми покинутой и никому не нужной, Махира подошла к фонтану, поставила чемодан на бордюр; на пыльном, забытом о воде со времени последнего дождя дне валялись бутылки, галоша, окурки, мятая фуражка с полуоторванным козырьком.

Съжившись от утреннего холодка, Махира присела на чемодан и вздохнула.

Площадь была окружена низенькими бесцветными строениями. По вывескам, по слабо светившим в полутьме лампочкам можно было заключить, что здесь сосредоточена значительная часть городской торговли.

К ступеням вокзала подъехал крытый грузовик, высо-

чил щупленький человечек в тюбетейке, подтянул брюки и побежал на перрон.

Махира разочарованно отвернулась. До чего же плохо быть бесприютным в чужом городе... Невольно она вспомнила вчерашний разговор с Масудджаном — он провожал ее, — и разговор этот, его советы и наставления, его обещания казались сейчас чем-то давнишним и нереальным, полузабытым сном. Она и не разобрала хорошенько, что там Масудджан говорил и обещал такое, потому что у нее от его поцелуев закружилась голова. Целовались они впервые, и сейчас, вспомнив, Махира покраснела.

— Простите...

Она испуганно обернулась. Возле себя увидела давешнего мужчину в тюбетейке — он смотрел на нее, смешно склонив голову набок.

— Простите, сестрица, — повторил он баском, неожиданным для его щуплой фигурки. — Вы не Алиева будете?

Невольно улыбнувшись, Махира встала с чемодана, застенчиво кивнула головой и опустила длинные густые ресницы.

— Салам... — человек протянул руку с длинными тонкими пальцами. — Саидали Тураев, главный администратор театра.

При этих словах он привычным движением подтянул брюки. Махире снова пришлось опустить взгляд.

— Простите, Махирахон — так ведь вас зовут, я не ошибаюсь? — вы нас извините, Махирахон, уж так получилось — заставили вас ждать. Водитель очень поздно возвратился с концерта, проспал, бедняга.

— Ничего, ничего, — успокоила Махира.

— Ну, пойдемте к машине, вы тут, наверное, замерзли. — Тураев поднял чемодан.

Езды всего-то было минуты три.

Спустившись на землю, Махира оправила платье, огляделась. Первое, что она увидела на площадке перед зданием, — сухой фонтан, точь-в-точь как у вокзала, с такой же бетонной коробочкой хлопка.

— Вот это и есть наш театр, — Тураев повел рукой. Махира не уловила, то ли он с гордостью сказал, то ли несколько стыдясь.

Она посмотрела. Длинное одноэтажное строение с шестью колоннами впереди. Колонны — шероховатые от многих побелок. К одной прислонена доска объявлений.

Сбоку театра прилепилась сторожка, у распахнутой

двери на потертом автомобильном сиденье пил чай старик; увидев Тураева, поднялся.

— Гостя. Из Ташкента,— сказал Тураев, ставя чемодан на землю.— Махирахон.

Махира поздоровалась, сторож, приложив руку к сердцу, ответил.

— Вот, приехала к нам работать,— продолжал Тураев.

— Спасибо, добро пожаловать,— приветливо, не отнимая руки от сердца, проговорил сторож. Другой рукой указал на старое сиденье: — Присядьте, доченька, наверное, устали,— и подтянул, поправил обтрепанное одеяло, закрывавшее дыры.

Махира благодарно улыбнулась.

— Спасибо, бабушка, я совсем не устала.

— Садитесь, садитесь, Махирахон, отдохните,— посоветовал Тураев.— Надо немного подождать. Я сейчас...— и он скрылся в сторожке.

— Доченька,— старик протянул ей пиалу,— выпейте чаю, только заварил. (Махира приняла пиалу.) И лепешку...— старик поставил перед ней табуретку вместо столика.

В какое-то мгновение Махире показалось, что этот старик словно бы ее дальний родственник, заботливый и душевный человек, с которым она просто давно не виделась. Она выпила чаю и отведала лепешки.

Из каморки сторожа послышался голос Тураева:

— Салам алейкум, Джура-ака. Приехала. Да, уже у нас. Хм... хм... Хоп, хорошо.

Звук положенной телефонной трубки; в дверях появился администратор, подтянул брюки.

— Так... так...— протянул он, обращаясь как бы к старику.— С жильем туговато... Придется пока поместить Махирахон где-нибудь у нас в театре, а потом авось и найдется что-то получше, более подходящее.— Посмотрел на девушку: — Вы согласны, Махирахон? (Та вымученно улыбнулась, пожала плечами.) Ну и отлично! Пойдемте? — он подхватил чемодан и двинулся к театру.

Махира кивнула старику сторожу, который снова стоял, прижав руку к сердцу, и поспешила за администратором, который уже скрылся в дверях.

Она оказалась в полутемном фойе — скрипучий пол, низкий потолок. По стенам — портреты актеров в рамках.

За фойе был длинный узкий коридор с единственным

окном в самом конце. В тишине шаги Тураева казались топотом. Он открыл какую-то дверь, подождал Махиру.

— Жить пока будете здесь.

Судя по обстановке, это была гримерная: тесно, два пожелтевших зеркала над узким столиком, разбросаны клочья ваты, мятой бумаги, в коробке из-под зубного порошка — вазелин. Запах спирта и пыли.

Вдоль стены слева — диван под когда-то белым, а сейчас почерневшим чехлом, на стене две вешалки, посреди комнаты — четыре стула с продавленными сиденьями, валяется бутылка.

— Вы, наверное, устали, отдохните пока. — Тураев поставил чемодан у дивана, больше похожего на топчан со спинкой. — Наверное, скоро придет реквизитор, тогда принесем вам одеяло и подушку. Я пока побегу по своим делам, работы, знаете, хватает...

Махира уныло кивнула, и администратор исчез.

Она постояла посреди комнатки, растерянно оглядываясь, потом вздохнула, шагнула по скрипучим половицам к окну, открыла его. Увидела двор, загроможденный декорациями к спектаклям, прямо под окном — пожарный водоем с застоявшейся зеленоватой водой, деревянный щит с красными ведерками. Из пруда тянуло гнилью.

Захлопнув окно, Махира села, спрятала лицо в ладонях. Потом бросилась на диван. Плечи ее затряслись.

— Ну, как устроились, Махирахон? — стараясь голосом выразить участие, устало потирая рукою висок, осведомился директор — худой немолодой человек за столом с бархатной скатертью.

Махира втянула голову в плечи.

— Как вам понравился наш город?

— Я еще никуда не выходила.

— Конечно, это не Ташкент, наш городок маленький, Махирахон, но вы привыкнете. — Он нажал кнопку на столе: стук машинки за дверью прекратился, в кабинет заглянула девушка-секретарша. — Позовите Асрора Хамидовича.

Скоро в кабинете появился мужчина лет пятидесяти, курчавый, с нездоровым цветом лица и мешками под глазами. Одет скромно, но опрятно, при галстукке.

— Знакомьтесь, — директор поднялся с места и указал на Махиру. — Махирахон Алиева, прямо из Ташкента,

к нам по распределению. Вашего полку прибыло — примите молодой талант. — Тут он повернулся к Махире: — Этот человек, Махирахон, — Асрор Хамидович, наш главный режиссер, заслуженный артист республики.

Махира поднялась со стула, поздоровалась.

Главреж вежливо поинтересовался, как она доехала, где родилась, живы ли родители.

Махира ответила, что выросла в детском доме.

Главреж гмыкнул, запнулся, потом спросил, у кого она занималась в институте, задал еще несколько вопросов. Оценивающе щурил глаза, одобрительно покачивал головой. Видно было, что внешность Махиры произвела на него впечатление. И под конец спросил с надеждой:

— Извините... как у вас с вокалом?

— Немножко пою, — застенчиво ответила Махира.

— Отлично! — воскликнул директор, он даже руки потирал от удовольствия. — Просто отлично, Махирахон! — Потом, сбавив тон, пояснил тихо, словно стесняясь: — Это не секрет — наш театр на хозрасчете... Поэтому нам приходится время от времени организовывать концерты. Станете выступать как солистка, да еще роли в спектаклях... одним словом, жизнь ваша будет насыщенной, полнокровной. Вы молоды, красивы, думаю, и способны — вам работать и работать, в ваши-то годы. Не так ли, Асрор Хамидович?

— Конечно, — поддержал главреж. — Сейчас мы как раз заняты подготовкой музыкального варианта «Халисхон», и я ее себе представлял именно такой: молодой, изящной, красивой. Для актрисы, делающей в искусстве первые шаги, играть эту роль — почетная творческая задача, не все устаиваются, знаете ли... Кстати, какую роль вы исполняли в дипломном спектакле?

— Катерину в «Грозе» Островского, — Махира чувствовала, что воскресает. Сейчас жизнь не казалась ей погубленной, как пятнадцать минут назад, а наоборот — исполненной смысла. Ожили лучшие надежды. Она уже представляла себя играющей роль Халисхон и выступающей в концертах. Она поет — и зал в восторженном изумлении...

Как и предсказывал директор, для Махиры наступили напряженные, насыщенные работой дни.

В роли Халисхон она выступила с успехом. После этого ее признали как ведущую исполнительницу лирического

плана, ввели в остальные спектакли, почти в каждом доверив центральные роли.

Хотя всем было ясно, что сама Махира не добивалась этого, да и не могла бы добиться, если б не расположение руководства театра к молодой способной актрисе и явный успех у зрителей, все же некоторые актеры косились на нее, как на выскочку. Особенно недовольной казалась Зийнатхон, игравшая до появления молодой соперницы почти все главные женские роли. Ей было около сорока, она обладала артистическими способностями и неплохо пела. До приезда Махиры у нее не было конкуренток, теперь же слава ее поубавилась. Конечно, они продолжали выступать в главных ролях по очереди, а в некоторых спектаклях, где примой оставалась Зийнатхон, Махира участвовала лишь в эпизодах, однако все же всем сделалось ясно, что теперь в театре две ведущие актрисы на амплу героинь. Более того, при распределении ролей в новых спектаклях, где должны были выступать обе соперницы, режиссер уже обычно первой называл Махиру, а только потом — Зийнатхон, да и на репетициях уделял девушке больше времени и внимания. В таких случаях Зийнатхон объявляла, что больна, и начинала искать предлоги, чтобы вообще отказаться от роли. Когда же, случалось, неопытная Махира допускала какую-либо промашку, Зийнатхон тут же поднимала ее на смех, всячески старалась унижить; все это вызывало у Махиры лишь удивление, — по своей наивности, да еще несколько опьяненная собственным успехом, она никак не желала понять, чего эта женщина так злобствует.

Кстати, эта же ее наивность и простодушие отчасти защищали ее.

Зийнатхон обладала красивым, сильным голосом. Махира, не скрывая своих чувств, отдавала должное ее пению, иногда даже пыталась подражать. Как-то раз не выдержала, сказала ей:

— Ой, как вы поете, сестрица! Я прихожу на этот спектакль, только чтобы послушать ваш чудесный голос!

Такое признание было для Зийнатхон что бальзам на раны. Она про себя была уверена, что во многом превосходит эту удачливую девочку. В ней, Зийнатхон, все же больше нуждаются в театре, она популярна в городе, а такие, как эта приезжая, через полгода удирают обратно в Ташкент. Вот так-то. И в театре остаются настоящие, преданные, проверенные...

Вслух же она сказала:

— Ну что вы, милая, что вы! Можно ли так преувеличивать! Где уж нам, вышедшим из самодеятельности, необразованным... Вот если б нам довелось учиться в Ташкенте, тогда бы, конечно, другое дело...

Театр, в котором начала работать Махира, принадлежал к тем учреждениям, что вынуждены существовать на собственные доходы. Город был небольшой, каждая новая постановка собирала два-три раза полный зал, затем количество зрителей все уменьшалось. Но посещаемость для театра — это ведь и деньги, доходы. Поэтому руководство театра организовывало концерты в райцентрах, в колхозных клубах, и сборы от таких выступлений были основным источником денежных поступлений.

Учитывая все эти причины, в городе театр давал спектакли далеко не каждый день.

Днем репетировали, ближе к вечеру садились в крытый грузовик и отправлялись с выступлениями по колхозам.

В свои клубы колхозники обычно собирались с полей и ферм довольно поздно, поэтому концерты чаще всего начинались часов в десять вечера и заканчивались в полночь.

Но это еще не все.

После выступлений уставшие артисты не возвращаются в город, нет, они держат путь к шийпону — особому помещению в колхозном саду, летнему павильону с отдельными комнатами, с богатым убранством, то есть к тому самому месту, где руководство колхоза принимает уважаемых гостей.

Подаются напитки, готовится плов. За столом — председатель колхоза, его заместитель, кассир и другие необходимые люди.

Концерт начинается заново. Отказаться невозможно — председатель уйдет куда-нибудь кассира, а потом Тураев месяцами должен будет маяться, пытаясь получить причитающееся за выступление.

Вот и сегодня — председатель на концерте в клубе не появился.

Заметив это, Махира подошла после своего номера к Тураеву, выпускавшему актеров из-за кулис, спросила озабоченно:

— Председателя не видать... неужели и сегодня придется оставаться?

— Оказывается, он уже распорядился приготовить

место в саду,— предостерегающе зашептал Тураев.— Смотрите, никаких фокусов, это ведь Бердыев! Хозяин! Сама щедрость! Весной мы тут давали концерт, так когда уезжали — каждый участник получил за два выступления!

Представление для колхозников окончилось в первом часу ночи. Люди были довольны, долго не отпускали артистов. Наконец все разошлись, стих шум толпы, клуб опустел.

Порядком утомившиеся актеры послушно поплелись в колхозный сад.

По случаю холодной осенней погоды застолье готовилось в просторной застекленной зале домика-шийпона.

Вокруг богатого дастархана были разостланы одеяла — курпачи, разбросаны красные бархатные подушки. Гости сняли обувь, расселись поудобнее, благо места было предостаточно, и принялись за угощение.

Через полчаса появился и сам Бердыев, высокий, тучный, меднолицый, в белом кителе, черных галифе и хромовых сапогах. За ним следовали его заместитель и Тураев.

— Добро пожаловать, гости,— низким басом прогудел Бердыев.

Сидевшие и полулежавшие на курпачах актеры дружно поднялись и приветствовали хозяев застолья.

Усевшись и скрестив ноги под одеялом, Бердыев по старинному мусульманскому обычаю пожелал присутствующим всех благ, и все провели кончиками пальцев по лицу, как при молитве.

— Прошу, прошу, гости дорогие, угощайтесь, не стесняйтесь,— говорил Бердыев. Каждого оделил взглядом и словом, выказывая расположение.— Э-э-э, да что ж это у нас делается! Бутылки еще не открыты. Или прикажете мне самому открывать?

Гости и хозяева засуетились, одни спешно начали открывать бутылки, другие — разламывать лепешки, третьи — отжимать гранатовый сок.

— Не обессудьте, гости дорогие,— снова, теперь уже более торжественно, обратился к застолью Бердыев.— Очень редко, раз в год, а то и того реже, встречаемся мы, скромные труженики полей, с вами, посланцами искусства. И только поэтому, хотя понимаю, для вас это очень и очень затруднительно после концерта, мы решили хоть раз в год доставить себе радость, прямо скажем, побаловать себя общением с вами, пригласить вас за наш скромный дастархан.

— Спасибо!.. Что вы, что вы, мы совсем не устали!.. Благодарим!.. Право, что еще остается на свете, как не радовать ближнего!..— послышалось со всех сторон.

— Тогда — прошу! Давайте все будем здоровы! — распорядился председатель.— Поднимайте! — вдруг посмотрел на Махиру, спросил ласково, благосклонно: — А вы, милая, почему свою пиалу обратно поставили?

— Я не пью, амаки¹,— извиняющимся тоном объяснила девушка. Просительню оглядела всех сидящих за дастарханом.— Я просто не могу.

— Вы впервые в гостях у нас...

— Это Махирахон, раис-ака,— быстро подсказал Тураев.— Вот уже полтора месяца в нашем театре... А как поет!..

— Хорошо, хорошо,— не слушая дальше, прогудел председатель.— Махирахон, милая, пьют ведь не для того, чтобы напиться, надо выпить для украшения нашего вечера, пусть он станет от этой пиалы хоть чуточку веселее.— Тут Бердыев хозяйским взглядом обвел застолье, и сразу посыпались шуточки, поговорки, присловья — и все на тему, все об одном,— сидящие наперебой, даже с подбострастием, старались поддержать раиса.

— Ну что ж, милая Махирахон! Вы сами видите — все ждут вас одну. Разве хорошо заставлять старших ждать?

— Может, все же необязательно мне пить?..— по-детски наивно спросила председателя Махира.

— Не хочет — зачем добро переводить? — попытался прийти ей на помощь толстяк, играющий в их оркестрике на гиджаке.

— Ну что же, уважаемая...— председатель кивнул с выражением обиды и недовольства, перевел взгляд на Тураева.— Не будем неволить человека. Коли наш убогий дастархан недостоин вашего внимания...

Сидевший напротив Тураев беспокойно заерзал, то искательно взглядывал на раиса, то возмущенно — на Махиру. Казалось, готов был сейчас разорвать ее на куски.

— Да выпейте-же, наконец,— нарушил неприятное молчание кто-то из актеров.— Разве можно заставлять упрашивать себя человека, который в отцы годится!

— Вот именно! Пейте, большого вреда не будет! — поддержал и другой.

Махира, раз уж ее начали обвинять в недостойном

¹ Амаки — дядя.

поведении, подняла пиалу и залпом выпила, морщась и от водки, и от злости и раздражения.

Со всех сторон послышались довольные выкрики: «Браво!», «Молодец!»

— Спасибо, — перекрыл их уверенный голос председателя; теперь в нем не было обиды, а только сознание собственного достоинства. — Не отвергли нашего слова, спасибо. Да сопутствует вам удача, Махирахон. — Он обвел застолье удовлетворенным взглядом. — Ну что же, гости, приступим...

В чашах-касах подали суп шурпу, ароматную, с большими, аппетитными кусками мяса. Пиалы снова были наполнены.

— Махирахон, — раис улыбнулся девушке, поднимая на ладони свою пиалу, — не будете опять заставлять нас тратить драгоценное время на уговоры?

Тут уж Махира уперлась — нет, ни за что не станет пить!

К ней пробрался, подсел Тураев, зло зашептал в самое ухо:

— Из-за глотка водки все дело хотите нам испортить! Раис уже хмуриться начинает! Можно подумать, будто остальные все мед пьют! Не от сладкой ведь жизни, понимать надо!

Махира, пересиливая отвращение, заставила себя выпить водку.

К ней тут же протянулись руки — кто предлагал гранатовый сок, кто — помидор, кто — мясо на косточке.

— Да, смотрю я — вы подходящий джигит, а, Саида-либай! — похохатывал председатель, взглядывая на Тураева. — Черт возьми, у вас какой-то дар особенный, в один миг такую девушку взяли да и уговорили! А-ха-ха-ха!..

И все смеялись вместе с раисом, и вместе со всеми смеялась уже и Махира — действие выпитого начинало сказываться.

Для Тураева сейчас похвала раиса значила больше, чем для артистов аплодисменты зала во время спектакля. «Кажется, денежки будут сегодня же», — обрадовался он и единым духом опорожнил свою пиалу.

— Ну что ж, друзья мои, — председатель вытер салфеткой губы. — Теперь, я думаю, и послушать не грех.

Музыканты не торопясь вытерли жирные руки полотенцами и принялись настраивать инструменты.

За песнями следовали танцы, за танцами — частушки, за частушками — состязание в остроумии — аския, потом

все опять подняли пиалы. Словом, пир катился обычной колеей.

Наконец дошла очередь и до Махиры. Бердыев после очередной пиалы указал на осоловело хлопавшую глазами девушку, почти уже засыпавшую от выпитого и от усталости:

— Теперь дадим слово нашей новой гостье.

— Это о вас говорят... что-нибудь надо спеть, — шепнула девушке соседка и еще локтем подтолкнула — про-
снись, мол.

Сонная Махира не могла сразу включиться в происходящее, понять, чего от нее хотят.

— Что вы будете петь? — подсказывая, спросил у нее музыкант с гиджаком.

Полилась известная всем собравшимся красивая мелодия, и в нее влился чистый голос девушки:

Стоит выйти в сад, мне кудри
Вешний ветер развеивает.
Стоит в дом войти, как сердце
Мать-бедняжка мне терзает...

Бердыев откровенно пожирал взглядом Махиру, ему нравились ее красивые глаза, затуманенные грустью; разглядывал нежный подбородок и белую шею, покачивался в такт мелодии.

Потом Махира, сонная, уже потеряла счет времени. Она прилегла на бархатную подушку и откровенно дремала.

Еще пили и ели, играла музыка, подали плов.

Потом, воспользовавшись минутной паузой в общем шуме, музыкант с гиджаком, деликатно посмеиваясь, осторожно протянул:

— Раис-ака, теперь вы разрешите нам удалиться? Да и время позднее, а завтра всем рано на работу...

— Ладно, гости, — не стал возражать Бердыев. Он удобно расположился, опираясь о несколько заботливо придвинутых ему подушек. — Конечно, устали, видим. Отдыхайте, места достаточно.

— Раис-ака, — просительно улыбаясь, заговорил Тураев. — Благодарим от души, но ночевать у вас мы не всегда можем. Бог даст, еще не один, не два раза приедем сюда. У вас, нам сказали, план уже на восемьдесят процентов выполнен, а какой той по случаю ста процентов без нас, ака! Теперь же мы, пожалуй, потихонечку тронемся в путь.

— Скоро рассветет, дорога долгая, — равнодушно протянул Бердыев. — Ну да как знаете.

— Мы ведь уже привыкли, ака, вы же понимаете... — заискивающим тоном объяснил Тураев.

— Ладно, ладно, — Бердыев кивнул. — Зайдите на кухню, там Тешабай...

Только того и ожидавшийся Тураев при этих словах попытился к двери и исчез.

Актеры и музыканты разом засуетились, начали собираться, укладывать инструменты в футляры.

— Оставьте... пусть спит, — властно распорядился Бердыев, когда одна из женщин принялась будить прикорнувшую на подушке Махиру.

Присутствующие замерли, обменялись понимающими многозначительными взглядами.

— Поднимите ее на руки, отнесите вон в ту комнату, там есть кровать, — тоном, не терпящим возражений, приказал Бердыев.

Гости опешили от неожиданности, воцарилось молчание.

Бердыев обвел всех взглядом и добавил, добродушно улыбаясь:

— Ну коли вам так уж не хочется оставлять ее здесь одну, пусть с нею ночует еще кто-нибудь. — Он задержал взгляд на Зийнатхон. — Вот вы и оставайтесь. А завтра мы вас доставим в город, прямо в театр. — С этими словами председатель кивнул своему заместителю, как и артисты, давно уже клевавшему носом.

Тот оживился, поспешил к стоявшей в углу громоздкой, на ножках, радиоле и взял с нее приготовленный заранее узел. Развязал и начал раздавать гостям по отрезу ханатласа — оделил каждого.

— Если кому не по вкусу придется или маловато покажется — уж не обессудьте, гости дорогие, — благодушествовал председатель. — Ежели кому чего недостаточно — должок за нами. План выполним, тогда еще приедете, уж не обидим...

Наутро Бердыев лично проводил Махиру и Зийнатхон. Радушно улыбаясь, говорил девушке:

— Этот приезд не в счет, не смогли хорошо встретить.

— Ну что вы, разве бывает лучше! — засмеялась Махира. — Большое, большое вам спасибо!

— Там, в машине, два узла, — Бердыев кивком указал

на «Волгу», где уже сидела Зийнатхон.— Синий — для вас, желтый — для вашей сестрицы.

— Ну зачем же вы...— девушка покраснела.— Право, не нужно... не стоит...

— Да, еще ваша сестрица рассказала мне,— продолжал Бердыев, как бы не слыша протестов Махиры,— у вас, оказывается, даже собственной комнаты нет, живете в гриберной. Об этом мы тоже подумаем, примем меры.

На губах Зийнатхон, слушавшей разговор, проскользнула усмешка.

— До свидания...— раис долго не выпускал мягкой, пухленькой ручки Махиры.— Счастливо добраться...

Когда машина тронулась, Махира зашептала Зийнатхон на ушко:

— Как неудобно, нехорошо получилось, что я заснула вчера за ужином. Стыдно перед нашими, как покажусь теперь в театре...

— Ну что тут такого? — успокаивала ее более опытная Зийнатхон.— Можно подумать, такой уж большой грех — заснула!

— Грех не грех, а все же некрасиво получилось, что мы ночевали там. И вы из-за меня... Да еще и узлы эти...

— Да не только нам — всем сделали подарки. Надо знать Бердыева — очень щедрый человек. Большой поклонник искусства.

Махира стремительно выбежала на сцену, оглянулась, перевела дух и радостно закричала:

— Какое счастье, не заметили, проклятые!

— Стоп, стоп! — остановил ее недовольный голос из темноты зала. Асрор Хамидович, главный режиссер театра, опершись локтями о зеленый бархат барьера перед оркестровой ямой, следил за репетицией.— Махирахон, вы спаслись от преследования, вы долго бежали, у вас перехватывает дыхание, ноги подкашиваются... А что вы нам показываете? Выпорхнули на сцену этак легко и мило, словно прибежали с соседнего двора, где вас угощали персиками.

— Я поняла, домла¹.— Махире сделалось немножечко стыдно.— Повторить выход?

— Прошу.

Махира ушла за кулисы и ждала сигнала режиссера.

¹ Домла — учитель.

Тут ей и передали просьбу после репетиции зайти к директору театра.

Услышав режиссерское «начали», она стрелой метнулась на сцену...

— Ну вот, совсем другое дело,— громко сказал до-вольный Асрор Хамидович.— Сабитджан!

Из-за кулис показался молодой лысоватый парень, помощник режиссера.

— Деревья наверху есть? — спросил у него Асрор Хамидович.

Сабитджан задрал голову.

— Одно есть, из «Нурхан».

— Пусть опустят на то место, где сейчас стоит Махира.

— Сейчас...— Сабитджан скрылся.

— Махирахон,— обратился режиссер к девушке,— сейчас спустят дерево. Слова «какое счастье...» вы произносите, когда укроетесь от погони за деревом. И побольше жизни, побольше радости — вы же спаслись от верной смерти. Представьте, что бы с вами было, если б вас поймали.

На сцене появился Сабитджан, бодро доложил:

— Асрор Хамидович, дерево, оказывается, приколочено к беседке из «Алишера Навои». Прикажете спускать вместе?

— За каким чертом нам на городской улице беседка! — нервно закричал Асрор Хамидович.— О чем вы думаете!

— Так вы же сами знаете, отдельного дерева у нас нет,— равнодушно протянул Сабитджан.

— О господи, да неужели же в этом театре не найдется второго дерева, почему все хватаются за одно-единственное?! — закричал Асрор Хамидович, воздев руки к небу.

— Было еще дерево с дуплом из «Халисхон»,— невозмутимо объяснил Сабитджан,— во дворе валяется, забыли под дождем, вот и вымокло. Если вам нужно, можно принести и установить. Только самое малое — час.

— Ничего мне не нужно! — окончательно вышел из себя главреж.— Ничего!..

— Что-нибудь случилось, Асрорджан? — директор, мельком глянув на режиссера, улыбнулся и продолжал подписывать бумаги.— Что-то вид у вас кислотоватый.

Асрор Хамидович тяжело опустился на диван, вздохнул.

— Не надо было нам переходить на хозрасчет. Артисты на репетициях вялые, сонные. И не скажешь им ничего — ведь под утро с концерта вернулись.

Директор только плечами пожал — мол, я-то что могу поделать? — и продолжал писать.

Асрор Хамидович взорвался:

— Это же творческие работники! Творческие! Они должны заучивать роли, входить в образ, вырабатывать свое понимание текста... наконец, они должны иметь время отдыхать! А у нас что?!

Махира в нерешительности остановилась в дверях кабинета.

Директор поднял голову, кивком пригласил войти.

Кипевший негодованием Асрор Хамидович вынужден был умолкнуть.

— Хочу обрадовать вас, Махирахон,— с улыбкой обратился к девушке директор, оторвавшись наконец от бумаг.— Исполком выделил нашему театру однокомнатную квартиру в новом доме. Мы посоветались и решили, что эту квартиру дадим вам, как способной молодой актрисе, активно участвующей... пользующейся успехом у зрителей... обещающей. В общем, поздравляем вас, Махирахон, хотя, должен сказать, у нас немало людей, которые нуждаются в жилье не меньше вашего. Ну да сейчас — ваш час, так что...

Махира краснела, бледнела, у нее пропал дар речи. Происходящее казалось ей сном. Такое признание ее, молодой, начинающей актрисы, способностей и успехов! Могла ли она надеяться!..

— Квартира ваша находится в новом микрорайоне, это край города, конечно, далековато, но автобус там уже ходит,— продолжил директор и посмотрел на Асрора Хамидовича, как бы приглашая его присоединиться к поздравлениям, но тот лишь угрюмо кивнул.— Так что, Махира, поскорее отправляйтесь в исполком, ордер и ключ уже приготовлены, дожидаются вас.

Махира стояла посреди светлой просторной комнаты, радующей глаз свежими красками. Потолок низковат, но это ничего. Широкое окно, рядом дверь на балкон. Махира всю жизнь мечтала о квартире с балконом, поэтому сейчас, не разглядывая больше ничего, поспешила туда.

Ясный холодный день.

Дом стоял на пустыре — это был край города. В сотне метров, за асфальтированной дорогой, начиналось нео-

бозримое хлопковое поле. Огромный диск заходящего солнца катился по его краю, словно апельсин по зеленому столу.

Махира вернулась в комнату, прошла на кухню, огляделась, постояла у плиты, потом еще полюбовалась ванной.

Об этом она мечтала...

И вдруг — может быть, оттого, что комната не была еще обставлена, не было милых глазу привычных вещей, — квартира в какой-то миг показалась девушке неуютной и холодной, она почувствовала себя здесь очень одинокой и поспешила выбраться на улицу, словно она была гостем, заглянувшим на минутку и не заставшим хозяев дома. Отчего-то ей трудно было представить себе, как она здесь будет жить, в этой прекрасной квартире.

В театре уже собрались зрители, пришедшие на спектакль, — человек пятьдесят, разглядывали пока фотографии артистов в фойе, толпились у буфета.

Быстро переодевшись, Махира села к гримировочному столику.

Раскрашенная, увешанная к спектаклю блестящими украшениями, Зийнатхон посмотрела с удивлением:

— Куда вы пропали, Махирахон?

— Так... прошлась по городу, — девушка сделала вид, что целиком занята гримом.

— Ну и как, понравилось? — в голосе Зийнатхон слышалось лукавство, хотя она тоже вроде бы целиком была занята прической.

— Город? — невинным тоном переспросила Махира.

— Нет, квартира!

— Откуда вы узнали?

— Слухом земля полнится. В театре, милая, ничего не скроешь. Поздравляю. — Но глядела Зийнатхон с упреком — чего ж от нее-то таиться?

Махире ничего не оставалось, как поблагодарить.

— Что-то не вижу у вас радости, — заметила Зийнатхон. — Или, может, квартира нехороша?

— Нет, что вы! После неотпливаемой гримерной получить собственное жилье — о чем еще может мечтать одинокая женщина!

После спектакля Махира с непонятной ей самой грустью складывала в чемодан вещи. Потом села за письмо Масудджану — звала его приехать навестить ее, при-

знавалась, что скучает. Затем до двенадцати заучивала роль.

Потушив свет, долго еще лежала, обдумывала дела на завтра.

С утра надо будет пройтись по магазинам. Ей очень нравилась деревянная кровать, выставленная в мебельном...

Но наутро она вовремя сообразила, что покупки покупками, а жить-то ей на что-то надо, вести свое маленькое хозяйство одинокого человека.

Все же она купила небольшой казан, чайник с пиалами, половник, ложки, касы и другое необходимое из посуды, а главное — на оставшиеся деньги приобрела раскладушку. Водитель театрального грузовичка помог ей погрузить ее чемодан, одежду и остальные вещи в машину и перевез все в новую квартиру.

Вскоре Махира забыла о своих недавних грустных мыслях, с головой уйдя в милые сердцу хозяйственные хлопоты, занявшись устройством нового гнезда.

Хотя везде было чисто, она наново вымыла полы, балкон и лестничную площадку. Посуду расставила на кухне на газете на полу, в комнате выбрала место для раскладушки и застелила ее. Потом вскипятила воду, заварила чай, устроилась на раскладушке и принялась мечтать о том, как на следующую зарплату купит шторы, люстру, а потом стол и стулья, скатерть...

В эти минуты она была счастлива, жизнь представлялась интересной, насыщенной и полной заманчивых надежд.

Ей захотелось как можно быстрее обставить и украсить свою квартиру, превратить ее в уютное, радующее душу и глаз гнездышко.

Вечером, вернувшись после спектакля, она снова написала Масудджану. Это письмо получилось вовсе не грустным, как вчерашнее, а веселым и радостным. Она рассказала о своем переезде и о том, что сразу же, даже не переночевав еще ни разу, привыкла к своему новому жилью, и еще упоминала о том, что над изголовьем у нее прикреплена его, Масудджана, фотография.

Не выключая свет — одной в пустой квартире с непривычки было жутковато, — она легла спать. А наутро неожиданно проспала — и тут только по-настоящему поняла, как хорошо спится в своем собственном доме. Ручные

часики показывали половину десятого, за окном разгорался неяркий осенний денек, до работы оставался еще целый час, и она, завернувшись в одеяло, решила еще немножечко понежиться в теплой постели.

Но тут вдруг в дверь постучали.

Наверное, это из театра, пришли навестить, посмотреть квартиру, решила Махира, поспешно одеваясь.

Бросилась к двери, открыла — и застыла пораженная!

— Ассалом алейкум! — прогудел голос председателя колхоза Бердыева — его могучая фигура заполнила, казалось, всю лестничную площадку.

— Салом алейкум, амаки,— не скрывая удивления, ответила Махира.

— Вот видите — пришел к вам в гости, не дожидаясь приглашения,— шутливым тоном говорил Бердыев.— Оказывается, квартиру получили. Ехал мимо, вот и решил — дай, думаю, зайду поздравлю.

— Прошу... входите...— Махира попятилась, пропуская председателя.

— Ну, как вы тут устроились? — Бердыев шагнул через порог, и сразу квартирка сделалась тесной.

— Спасибо, амаки, неплохо,— вежливо ответила Махира, следуя за гостем.

Бердыев вошел в комнату, огляделся, покачал головой. Повернулся к Махире, хорошенькой, раскрасневшейся со сна, протянул руку:

— Хоть и бедновато пока, а все ж своя крыша над головой! Поздравляю! — он захватил обеими ладонями маленькую руку девушки и не отпускал ее, улыбаясь.

— Спасибо, амаки.— Махира в смущении освободила руку.— Не могу пригласить вас присесть — у меня еще и стульев нет... Пожалуйста, садитесь на раскладушку,— не зная, как быть, пролепетала она. Оправила одеяло, жестом предложила гостю устраиваться.— Я сейчас заварю чай...

— Не беспокойтесь, милая Махирахон,— Бердыев добродушно улыбнулся.— Мы были в Ташкенте, ехали оттуда всю ночь. Если вы не против, я вздремну у вас немножко.

Ошеломленная неожиданной просьбой, Махира онемела, только в растерянности хлопала ресницами. Председатель откровенно любовался ею, юной, растерянной, такой беззащитной и слабой. Наконец Махира обрела дар речи:

— Конечно, амаки, я понимаю... Вы очень устали —

ложитесь, отдыхайте. Я сейчас должна идти на работу, так что вам никто не помешает. Располагайтесь, прошу вас.

— Может, у вас есть покрывало — набросьте на кровать, чтоб я ненароком не испачкал.

— Ничего, не беспокойтесь.

Она вышла, чтобы умыться и привести себя в порядок. Когда вернулась, Бердыев сидел на раскладушке, задумчиво поглаживал лысину, о чем-то размышлял.

— Я уйду, амаки, а вы спокойно отдыхайте, — сказала Махира, остановившись в дверях.

— Внизу моя машина. — Бердыев поднялся. — Скажу, пусть вас подбросят до театра.

Не слушая возражений Махиры, раис вышел на балкон и громогласно отдал приказание шоферу. Обернулся к девушке:

— Я поеду часа через два. Как быть с ключом, соседям оставить можно?

— Оставьте, наверное, можно... — и Махира вышла из квартиры.

Улучив момент, когда режиссер занялся с другими исполнителями и Махира оказалась свободной, к ней подошла Зийнатхон, отвела в сторонку.

— Вы не заняты сегодня вечером? — спросила шепотом.

— Сегодня? — Махира задумалась. — Ах да, приехала грузинская эстрада, я хочу пойти.

— А на завтра нельзя эту эстраду отложить?

— Не знаю... А что?

— Хочу пригласить вас... если захотите, конечно. Можете поехать с нами, хорошо заработаете.

— Это куда же? — Махира тоже говорила шепотом.

— Нас зовут на той.

— На свадьбу?

— Да нет, просто... что-то отмечают, решили повеселиться.

— А что я там должна делать?

— Может, и ничего — до вас, я думаю, дело не дойдет... — Зийнатхон вкрадчиво улыбнулась. — Ну а если дойдет, очень будут упрашивать — споете что-нибудь, и полная тубетейка бумажек. Эта вот Рахимахон пристала как мука, просилась с нами, да мы не взяли... сама как сыр в масле катается, муж на складе работает, дома чего только нет!.. А вам деньги необходимы — новая квартира

затрат требует. Небось пол да голые стены. А при нашей-то зарплате...

— Нет, нет, сестрица, — Махира, мягко улыбаясь, смотрела прямо в глаза Зийнатхон. — Мне стыдно петь перед...

— О господи, ну что вы говорите! — у Зийнатхон брови полезли наверх. — Стыдно ей, надо же! А на концертах, на спектаклях — не стыдно? Те же самые люди.

— Не совсем, сестрица, — серьезно ответила Махира. — На концерте они слушают, на тое — едят и пьют. И главное, за концерт или спектакль мне платят зарплату, а на тое — это подачка. Спасибо вам, сестрица, но не упрашивайте, не гожусь я для этого.

— Воля ваша, конечно... — разочарованно протянула Зийнатхон. — Как будто легкие деньги тяжелы для вашего кошелька. Но вы все же подумайте до вечера, я для вашей же пользы...

— Нет, сестрица, я не передумую.

— Ну ладно, Махира, как знаете, — не стала настаивать Зийнатхон. Когда девушка вернулась на сцену, усмехнулась ей вслед: «Видали мы таких чистюль, ишь, то ей зарплата, а другое — подачка, посмотрим, надолго ли тебя хватит. Один раз попробуешь вкус этой самой подачки, потом сама прибежишь, еще навязываться будешь. Да без подачек не проживешь, миленькая...»

Махира уже выходила из театра после репетиции, когда ее позвала секретарь директора и вручила письмо. Увидев подпись на конверте, Махира обрадовалась — весточка была от институтской подруги, работавшей сейчас в наманганском театре. Присев на знакомое ей автомобильное сиденье у каморки сторожа, девушка прочитала письмо — улыбалась, смеялась, даже всплакнула немножко.

После письма подруги светлее стало на душе.

И в автобусе, по дороге, Махира, полностью отключившись от окружающего, вспоминала счастливые студенческие годы, стремительно отодвигавшиеся в прошлое, и дорогих сердцу людей.

Погруженная в воспоминания, она незаметно для себя добралась от автобусной остановки к дому, поднялась на второй этаж. Позвонила к соседям — дверь открыла девушка лет восьми. Сбегала, принесла ключ. Махира вошла в квартиру, разделась, заглянула в комнату — и остолбенела. На мгновение она даже подумала — не ошиблась ли домом.

Комнату невозможно было узнать.

Середину ее занимал сверкающий полированный круглый стол со стульями, у стены — дорогой сервант, напротив окна, в нише, — красивая деревянная кровать, куда богаче той, на которую Махира мечтательно заглядывалась несколько дней назад.

Купленная только что на последние деньги раскладушка, аккуратно сложенная, сиротливо притулилась в уголке, будто случайно забытая кем-то чужая, ненужная в доме вещь.

Бердыев! Так вот зачем он выманил у нее ключ!

Первым побуждением Махиры было тотчас вернуться в театр и рассказать обо всем Асрору Хамидовичу. Однако она тут же испуганно сообразила, что начнутся крайне нежелательные для нее, для ее репутации разговоры, а то и сплетни поползут — завистников, а особенно завистниц у нее достаточно. Как ей отвечать на вопрос, почему Бердыев оказался в ее квартире? Кто ему дал ключ? А если у мужчины есть ключ от квартиры, где живет одинокая молодая женщина... ну и так далее. Тут же Махира подумала, что самое разумное да и, может быть, единственно возможное в ее положении — держать все происшедшее в секрете. А с Бердыевым она при случае объяснится.

Повинуясь первому побуждению, она вышла было в переднюю, чтобы бежать в театр, но теперь снова вернулась в комнату.

Обвела взглядом доставшуюся ей таким нежелательным способом прекрасную мебель.

Мебель-то сама по себе ни в чем не была виновата и очень нравилась девушке, в смятении она не знала, как правильнее поступить, и не смела прикоснуться к подаренным вещам, словно к музейным экспонатам, лишь любовалась ими.

Концерт грузинских артистов закончился в десять вечера.

Подняв воротник пальто, Махира стыла на пронизывающем ветру. Вот уже полчаса она простояла на остановке, а автобуса все не было.

Идти в вечерней темноте пешком она не решалась, хотя путь был недалек.

Проехала машина с зеленым огоньком, она подняла руку, но водитель даже не затормозил.

Махира чуть не заплакала от острого ощущения полной своей беспомощности. Еще и ноги стали коченеть... Такой

жалкой и несчастной она, казалось, никогда себя не чувствовала.

На остановке появился мужчина в телогрейке и шапке-ушанке. Тоже, видать, замерзли ноги — постукивал сапогом о сапог.

Махира подождала еще, но долго выдержать не могла.

— Амаки,— робко прозвучал ее голос,— вы тоже ждете автобус?

— Да.

— Вам в какую сторону?

— В микрорайон. А что?

— Мне тоже туда. Только одной идти страшновато. А автобуса нет и нет.

— Да я и сам подумываю, не отправиться ли пешком. Хорошо, пошли. Дом ваш далеко?

— Последний, у поля.

— Мой-то немного поближе, но уж я вас доведу, ладно.

Они дошли за полчаса, потом Махира остановилась:

— Спасибо, амаки, вон тот дом — мой, теперь я добегу. Извините, вам пришлось из-за меня пройти лишнее.

— Ничего, дочка. Счастливо тебе,— мужчина не спешил возвращаться.— Ты иди, я постою пока, посмотрю, как ты доберешься.

— Нет, не надо, амаки,— Махира чувствовала себя неловко.— Теперь уже не страшно. Спасибо вам огромное!

Она побежала к дому. Мужчина проводил ее взглядом, помедлил, потом двинулся обратно.

Услышав на лестнице шаги Махиры, на площадку выглянула соседка:

— Вернулись, наконец? К вам приехал гость, сидит у меня дожидается.

У Махиры сердце упало: «Бердыев!»

— Какой... гость?..— спросила она растерянно.

— Заходите, посмотрите.— Женщина загадочно улыбнулась.

Махире показалось, что соседка смеется над ней. Этого она не могла вынести.

— Сейчас...— еле выдавила она и поспешила спрятаться в своей квартире.

Она разделась, зажгла в кухне газ и грела над плитой руки, лихорадочно соображая, как ей поступить. Может быть, запереться на ключ и лечь спать? Нет, это будет уж слишком невежливо. Но что ему сказать, Бердыеву? Она не готова к разговору... И так поздно уже... Перед соседями стыдно.

Тут она услышала, как скрипнула входная дверь, в прихожей кто-то кашлянул. Девушка обмерла от страха.

Однако она тут же взяла себя в руки. Нельзя же так распускаться!

Придав лицу решительное и спокойное выражение, твердым шагом направилась к прихожей.

И тут глаза ее наполнились слезами, к горлу подкатил комок...

В прихожей топтался, вытирал ноги Масудджан, ласково улыбался Махире.

Она чувствовала себя такой одинокой и беззащитной, была такой замерзшей, так напугана ночной дорогой, а потом вероятным появлением Бердыева, что сейчас, забыв обо всем, кинулась к Масудджану, повисла у него на шее и не отпускала его, словно боялась, что он вдруг исчезнет так же неожиданно, как появился.

Масудджан бережно обнял ее, вздрагивающую от рыданий, отстранился, нежно погладил по голове. Он улыбался, радуясь встрече, но слезы девушки пробуждали в его душе тревогу. Он всматривался в ее пылающее лицо, покрасневшие, полные слез глаза.

— Почему ты плачешь? Что случилось?

Махира только головой покачала — ничего, мол, и постаралась улыбнуться.

— Как хорошо, что ты приехал... — чуть слышно повторяла она.

Потащила Масудджана в комнату и тут только с ужасом вспомнила, что он увидит там чужую мебель.

А Масудджан пришел в восторг.

— Вот это да! — он даже присвистнул. — Всего ничего работаешь, а уже столько накупила! Актриса процветающего театра, а?

Что оставалось делать бедной Махире?

Краснея, она соврала:

— Коллеги по театру собрали деньги. Пока меня не было дома, вот привезли и оставили... Но это все в долг, я скоро расплачусь со всеми...

Потом они долго сидели за ужином и разговаривали, вспоминая важные и неважные подробности прошедших месяцев, чувствуя, как соскучились друг по другу.

Масудджан с трудом, но все же нашел для себя работу поближе к городу, где жила сейчас Махира; в самом городе он не смог устроиться, тогда он согласился пойти сменным инженером на хлопкоочистительный завод в кишлаке.

— Ты сможешь ездить на работу отсюда?

— Далековато...— Масудджан пригасил сигарету в пепельнице.— Там мне дают комнату. Буду почаще приезжать к тебе. Пока другого выхода нет.

Махира постелила Масудджану на новой кровати, на которой и сама-то еще ни разу не спала, а для себя поставила раскладушку на кухне.

Утром встала пораньше, принялась готовить завтрак. В комнату не заглядывала, чтобы не потревожить сон Масудджана, не разбудить раньше необходимого.

Когда пришло время собираться на работу, она тихонечко приоткрыла дверь — и увидела пустую кровать, на столе белела записка:

«Махира, я не хотел будить тебя. Уезжаю на завод, дня через три-четыре постараюсь выбраться. До свидания. М.».

Бердыевская «Волга» остановилась у театра, вышел шофер, постучал в запотевшее оконце сторожки.

Старик сторож встретил гостя приветливо, усадил на табуретку, поднес пиалу с горячим чаем.

— Чем могу служить, братец? — спросил, кротко улыбаясь.

— Срочное дело к Тураеву, отец.

— Что ж, пойду взгляну. Он должен быть в театре.

Через несколько минут старик вернулся вместе с администратором.

Шофер поднялся с табуретки навстречу. Согласно обычаю они с Тураевым долго обменивались традиционными приветствиями, интересовались здоровьем родственников и выражали надежды, что в доме у собеседника все благополучно.

По несколько смущенному виду шофера старик сторож понял, что он здесь лишний, взял свой чайник и вышел из сторожки.

— Я рад вас видеть, Эминджан...— Тураев вопросительно посмотрел на шофера.

— Меня послал хозяин. Вас зовут на следующей неделе, во вторник.

— Значит, во вторник... так, так...— Тураев задумался.— Минуточку...— Набрал номер, он поднес трубку к уху.— Джура-ака, салам, это я, Тураев. Бердыев-ака приглашает нашу бригаду на следующей неделе, во вторник.

Да, председатель колхоза «Передовик». Внести в план? Хоп, хорошо! — Положив трубку, Тураев подтянул брюки и приосанился. — Вот все и решено, Эминджан. Включим в план, а там уже железно. Приедем.

— Теперь еще... — шофер мялся, не зная, как начать. — В общем, сегодня у нас, у хозяина то есть, маленькая вечеринка — для своих... Мне велели привезти Зийнатхон и Махирахон... Без них не возвращайся — так хозяин и сказал...

— Так они же сейчас заняты в спектакле, — озадаченно объяснил Тураев.

— Может, их заменит кто-нибудь?

— Смеетесь, Эминджан! Срывать спектакль мы не можем, у нас ползала зрителей сидит.

— Да... А когда заканчивается ваш спектакль?

Тураев посмотрел на часы:

— Еще час примерно.

— Ладно, подожду. Спешить некуда.

— Так вы пока пройдите в зал. И пьесу интересную посмотрите, и время незаметно пройдет. А я тем временем схожу за кулисы, предупредить надо наших исполнителей.

— Сначала уломайте нашу капризную красотку, — Зийнатхон мотнула головой в сторону сцены, где в главной роли сегодня выступала Махира: сейчас она сидела за прялкой.

— Как я могу ее уломать? — Тураев пожал плечами. — Женщина женщину лучше поймет. Постарайтесь объяснить ей, что это в интересах театра, нас же хотят пригласить туда через неделю, — сами понимаете, от кого оплата зависит.

— А если все-таки откажется?

— Куда ей деваться, при ее-то доходах, — невесело усмехнулся Тураев. — Вы-то сами, душенька, я знаю, охочи до таких поездок. Так и скажите ей прямо — надо, мол, пользоваться моментом, пока на Бердыева щедрость накатила, и тебе и людям польза. Авось поймет!

— Как же, поймет! — поморщилась Зийнатхон. — Сами знаете, какой у нее характер! — Зийнатхон все еще не могла простить Махире ее слова о подачках на тое.

— Смотрите, ответственность на вас! Нам на следующей неделе давать там концерт! И вообще — нам с ними еще жить и жить!

— Что вы заладили: концерт, концерт! За меня-то всегда можете быть спокойны, сами знаете. Лучше попробуйте сами ее уломать, горячку!

После спектакля Тураев отозвал Махиру в сторонку и выложил начистоту, что надо сделать и почему, объяснив все причины.

— Так пусть вместо меня поедет еще кто-нибудь, — не решаясь резко отказывать всегда внимательному к ней Тураеву, говорила Махира. — Из тех, что не прочь подзаработать.

— А вам не кажется, что вы не очень-то красиво поступаете, не уважая просьбу председателя, — он же вам в отцы годится! Ведь он вам честь оказывает, приглашая, — значит, считает вас достойной такого уважения. Безусловно, он имеет полное право пригласить вас, — с искренним огорчением отчитывал непонятливую Махиру администратор. — Наконец, должны же вы подумать и о престиже нашего театра, о выгоде и заработках, теперешних и будущих, ваших товарищей. Ведь у многих дети... А нам там через неделю выступать — сами понимаете. И на будущее надо рассчитывать. Это жизнь, Махирахон, ничего не поделаешь.

У Махиры от всех этих многочисленных соображений и доводов голова пошла кругом. Она и соглашаться на поездку не хотела — ведь Тураев ничего не знал о визите Бердыева к ней и о мебели, считал приглашение разовым, — и отказаться не могла: это было бы черной неблагодарностью по отношению к театру и ее же товарищам, да и Бердыев тоже имел право ожидать от нее благодарности — он же постарался для нее, сделал доброе дело, как он его понимал, и не сделал ничего плохого... Ах, эта мебель! Если бы не этот подарок!..

— Решайтесь скорее, — начал торопить девушку администратор, заметив, что она колеблется. — Время идет, за вами специально машину прислали, шофер больше часа сидит ждет, — неужели вам такого уважения мало!

Вздыхнув, Махира сказала:

— Ну что ж поделаешь. Я поеду.

— Вот и молодец, вот и по-деловому! — обрадовался Тураев. — Хвалю!

До самого рассвета не смолкали пение и музыка, веселые, хмельные речи и смех в том самом павильонешийпоне для приема гостей, где Бердыев не так давно впервые заставил Махиру выпить налитую ей пиалу.

Однако сегодня он был добродушен, ни на чем не настаивал, называл ее не иначе как дочкой. Домой ее снова доставили на председательской «Волге», и на сиденье, как и в прошлый раз, лежали узлы с подарками для нее и Зийнатхон. Но сейчас Махира отказалась взять предназначенный ей дар, как ни настаивал, ни упрашивал шофер.

Вернувшись в свою квартиру, она бросилась на постель и проспала до полудня.

Когда поднялась — под дверью ее ждала записка:

«Махира, извини, что не мог навестить тебя, как обещал, — подхватил грипп. Приезжал в город по делам, но не нашел тебя ни в театре, ни дома. Выберусь на выходные. До свидания. М.».

Ну вот, еще и это: Масудджан приезжал, а она спала, не слышала! Сначала должна отправляться туда, куда не хочется, потом из-за этого не видит того, кого хочет видеть! На душе у нее было нехорошо, в какой-то момент она чуть не бросила все и не кинулась в дальний кишлак к Масудджану.

Чтобы успокоиться, занялась уборкой и стиркой. Чувствовала она себя усталой, разбитой, разочарованной и очень была недовольна собой.

В пятницу она вернулась домой после спектакля и уже собиралась было лечь спать, как послышался стук в дверь.

«Масудджан!» — обрадовалась девушка.

Побежала открывать — и застыла в испуге: увидела на площадке Бердыева — улыбался, в руке держал транзисторный приемник.

— Ой, это вы? — Махира судорожно пыталась улыбнуться гостю.

— Я, кому ж еще быть! Или не рады, что заглянул?

— Нет, нет, отчего же... Прошу, входите.

Оказавшись в квартире, Бердыев торжественно протянул ей «Спидолу»:

— Вот вам игрушка, не станете скучать одна. Держите, держите, будете забавляться.

— Вы заставляете меня краснеть, амаки.

— А вы не краснейте! — Бердыев был отечески благодушен. Видя, что девушка не протягивает руку, не берет приемник, хозяйски прошел в комнату, поставил его на стол.— Я, дочка, знаю, что это такое — жить в чужом городе, далеко от дома.— Он снял пальто, потер озябшие руки.— Надо же, посреди дороги машина стала, пропади она пропадом. Шофер час бился, ничего поделывать не мог. И попутки не было, замерз на ветру... вот завернул к вам, Махирахон, согреться,— уж не сердитесь, что поздно...

— Конечно, хорошо сделали, что пришли, амаки,— вежливо, как требует закон гостеприимства, ответила Махира — что ей оставалось!

Председатель вернулся в комнату, удовлетворенно огляделся:

— Прямо чудеса! В вашей квартире, похоже, побывал сам святой Хизр!

— Зачем вы это сделали, амаки! Ведь все это деньги, и не малые...

— Сначала скажите — нравится? Хороший у меня вкус?

— Очень нравится, но...

— Вы же без родных здесь,— Бердыев сделался серьезен.— А у меня такой обычай: коли могу, всегда помогаю людям. Люблю творить добро. Так что не обижайтесь на меня.

— Я не обижаюсь, амаки, спасибо вам за такую заботу. Но только принять все эти вещи я могу лишь в долг. Сколько бы это ни стоило, потихоньку выплачу.

— В долг так в долг,— миролюбиво прогудел Бердыев.— Я в дороге проголодался, дочка, может, хоть корочка какая найдется?

— У меня есть мясо, если хотите, я поджарю.

— Что может сравниться с таким благодеянием, милая Махирахон!

Скоро на столе появился дымящийся каурдак.

— Ох, да вы еще и хозяйка отменная! — Бердыев легонько обнял Махиру за плечи.— Умница, дочка моя золотая, молодчина...

Махира тут же испуганно выскользнула из крепких рук председателя.

Взяв со стола чайник, поспешила на кухню. Сердце ее лихорадочно стучало, одолевали тревога, томительный страх — что еще позволит себе ее поздний гость?

Меж тем Бердыев вышел в прихожую, достал из

кармана пальто бутылку коньяка. Вернулся к столу, налил до половины две пиалы.

Махира все еще оставалась на кухне — честно говоря, боялась выходить.

Бердыеву надоело ждать, он позвал:

— Махирахон!

— Да, амаки?

— Вы там не заснули?

— Я сейчас, амаки... Вскипячу чай... Вы, пожалуйста, ужинайте, не обращайтесь на меня внимания.

— Да как же есть без хозяйки? Странно как-то даже. Раз хозяйка не хочет быть за столом с гостем, получается — не хочет, чтобы он ел.

Тут уж Махира вынуждена была вернуться из кухни.

Бердыев протянул ей пиалу:

— За компанию, Махирахон!

— Нет, амаки, не могу я, не настаивайте,— чуть не плача, жалобно упрасивала девушка.— Умоляю вас!..

Такая она еще больше нравилась раису.

Но внешне он был огорчен — был обижен хозяйкой.

— Неужели законы гостеприимства для вас ничего не значат, Махирахон?

— Если б я могла, я бы, конечно, не стала отказываться, но я не могу, амаки, неужели вы не верите мне? — в глазах ее блестели подступившие слезы.

Теперь Бердыев улыбался, довольный:

— Но вы ведь знаете, Махира, желание гостя — закон.

— Я знаю... но я не пью, вы же помните. Разве это к лицу девушке? Пожалуйста, не мучайте меня, я очень прошу!

— Ну что ж,— Бердыев, изображая крайнее огорчение, отодвинул пиалу.— Если на то пошло, если вы не хотите, придется и мне отказаться.

— И правильно, амаки,— наивно обрадовалась Махира.— Конечно, не пейте, какая вам польза?

— Нет, я не о том.— Бердыев сделал вид, что хочет подняться.— Ваш отказ означает, что вы просто желаете выставить своего гостя на улицу.

Махира лишь покачала головой — нет, мол.

Правильно истолковав ее неуверенность, Бердыев снова поднес ей пиалу:

— Выпейте только это, больше не буду настаивать.

Против своей воли Махира взяла все же пиалу.

— Будьте счастливы, Махирахон! — раис чокнулся

с ней.— Спасибо, что уважили, не отказались принять из моих рук.

Девушка, зажмурившись, залпом выпила коньяк и передернулась от отвращения.

— Ну вот, наконец-то! — Бердыев был удовлетворен.— Все так просто, а вы гостя столько времени мучили!

Встать сейчас и уйти было бы невежливо, и Махира терпеливо сидела за столом с раисом, пока он наедался и опустошал бутылку коньяка.

Голова у нее кружилась от усталости и выпитого, слипались глаза.

Наконец Бердыев кончил ужинать.

Махира поднялась и постелила на кровати:

— Теперь вы ложитесь, амаки, вам нужно отдохнуть.

— А как же вы сама?

— У меня есть раскладушка, попрошусь переночевать у соседей.

Махира пошла на балкон за раскладушкой, Бердыев ждал ее в комнате.

Когда девушка вернулась, он остановил ее:

— Вы обиделись на меня?

— Ой, да почему я должна обижаться?

— Я смотрю, вы сегодня очень невеселая.

— Просто я очень устала.

— Ай-яй-яй,— Бердыев неожиданно обнял ее, погладил по спине: — Утомил я ее, мою красавицу...

— Что вы?! Сейчас же отпустите! — Махира вырвалась и, таща раскладушку, чуть не бегом направилась в прихожую.

Бердыев, багроволицый от выпитого, с бешеными глазами, крепко взял девушку за руку. Она от испуга выронила раскладушку — та грохнулась об пол, — в страхе уставилась на раиса. Поняв ее растерянность как слабость и уступчивость, Бердыев схватил ее в охапку. Махира, с расширившимися от отвращения и гнева глазами, наконец-то овладела собой и неистово вырывалась, барахталась в его сильных ручищах. В конце концов она высвободилась.

Жаркая волна ударила Бердыеву в голову, он снова шагнул к девушке.

Тогда Махира бросилась на кухню, схватила молоток, которым она отбивала мясо, и подняла его над головой.

Оружие было смехотворное, но Бердыев остановился, взгляд его прояснел — вспомнил, что находится в чужом

доме, в гостях. Однако намерений своих не оставил. Заговорил хрипло и сдавленно:

— Не пугайся, Махира... извини, что я так... Я ведь добра тебе желаю, не будь дуручкой, пойми! Будешь послушной — каждое твое слово закон... все для тебя сделаю...

— Уходите сейчас же!

— Такой особнячок тебе поставлю, весь город завидовать станет... Будешь жить в свое удовольствие!

— Немедленно!..

— Ведь босяку достанешься — лучше уж мне... — глаза Бердыева снова помутнели, коньяк разбирал его. — Убудет от тебя, что ли?..

— Мерзавец!

— Здесь все — мое! — Бердыев с силой ударил себя по груди. — Знаешь об этом, нет? Или забыла, может?! Все — и квартира, и обстановка! Да если б не я — ты б и сейчас дрожала в своей вонючей каморке! Не будь дурой, пораскинь мозгами, что для тебя лучше, кто для тебя постарался!

— Я сейчас буду звать на помощь! Соберу людей!

Покачиваясь на широко расставленных ногах, Бердыев провел рукой по лицу, усилием воли одолевая опьянение, потом по-хозяйски, с легким презрением оглядел Махиру, усмехнулся ее молотку.

— Сама, девочка, придешь. Да не придешь — прибежишь! Не таких, как ты, обламывали!

Накинув на плечи пальто, вышел, с силой захлопнул за собой дверь.

Услышав, как он спускается по лестнице, Махира подбежала, трясущимися руками заперла дверь на ключ.

Бросилась на кровать и отчаянно зарыдала.

Когда наутро в дверь постучал Масудджан, она долго не решалась открыть. Потом сообразила спросить, кто пришел.

Увидев измученное лицо, покрасневшие, припухшие глаза девушки, Масудджан поразился:

— Что случилось?

Махира бросилась ему на грудь и всхлипнула.

— Махира, дорогая, что с тобой? — в растерянности спрашивал парень, легонько гладил ее по волосам.

Наконец Махира отстранилась от него. Слабая улыбка тронула ее губы.

— Ничего... Страшный сон приснился...

— Только и всего-то? И ты так испугалась? — Масуджан нежно взял ее за руку.

Прикрыв глаза, Махира кивнула: да, испугалась.

— Я все понимаю, Махирахон, только...— директор оборвал себя на полуфразе: в кабинет вошел старик сторож с чайником и пиалами.

Поставив чайник на край стола, сторож, мягко ступая, удалился. В приемной он попросил девушку-секретаршу:

— Доченька, у меня крыша что-то стала протекать. Не напишете мне заявление? Может, даст исполком шифер...

— Конечно, амаки,— продолжая печатать, ответила та.— Посидите, я скоро кончу.

Старик опустил на стул, терпеливо стал ждать.

Приоткрылась дверь в кабинет: Махира, держась за ручку, слушала последние слова директора.

— И все же мой вам совет, Махирахон, не принимайте близко к сердцу... Вы понимаете, я забочусь только о вас и о вашей репутации. Знаете, один скажет одно, другой другое, пойдут чесать языками. Больше всего я бы не хотел, чтобы ваше доброе имя было хоть на самую малую долю опорочено, девочка моя...

Махира тихо сказала «спасибо» и, не поднимая головы, вышла из кабинета, миновала приемную.

Вскоре из приемной вышел сторож, аккуратно сложив и спрятав в нагрудный карман заявление насчет шифера.

На старом автомобильном сиденье у дверей своей каморки он увидел Махиру, грустную, задумавшуюся.

Старик угостил ее чаем, нехитрыми своими разговорами постарался развеять ее дурное настроение. Когда Махира наконец улыбнулась, отважился спросить:

— Доченька, я привык видеть тебя радующейся жизни, что случилось сейчас?

Поколебавшись, Махира прямо посмотрела в глаза старику:

— Дядюшка, кто самый главный в нашем городе, кто бы выслушал меня?

— Хозяин в городе — Акбарходжаев. Зачем он тебе, доченька?

— Хочу рассказать ему...

— А с нашим директором ты тоже об этом же своем деле говорила?

Махира кивнула...

— Он дал тебе правильный совет, доченька,— серьезно сказал сторож.

— Значит, и вы знаете о том, что произошло?

— Я налью тебе еще чаю, дочка? Свежий заварил.

Махира не стала переспрашивать.

Помолчав немного, она сказала старику:

— Я хочу пойти жаловаться.

Сторож налил ей чаю, на слова ее покачал с сомнением головой:

— Послушает ли он твои жалобы? У нас в городе так говорят: кто вздумает тягаться с Бердыевым, у того поясница разломится.

Махира допила чай, поднялась и, возвращая старику пиалу, тихо, но решительно сказала:

— Раз так, я пойду туда, где меня обязательно выслушают.